

В. М. Сидоров,
народный художник РСФСР,
секретарь правления
Союза художников
РСФСР

Родные края

Лет десять назад, когда начиналась реставрация дома великого русского писателя В. И. Даля, мой добрый знакомый, известный архитектор и большой знаток дворцово-парковых ансамблей М. П. Коржев приехал к этому дому и долго ходил вокруг него, пока не подошел к большому дереву. Это была лиственница. Скорее всего, росла она здесь и до того, как Владимир Иванович Даль поселился в доме.

И хотя дело было весной, она стояла

в желтом осеннем одеянии, словно и не было зимы. Все вокруг готовились к новой жизни, ничего не предвещало худого, а Михаил Петрович потрогал дерево ладонями, постучал по нему небольшой палочкой и сказал: «Этим летом оно умрет, а перед тем как умереть — зацветет». И действительно, тем летом дерево погибло, а перед кончиной зацвело яркими прощальными цветами — говорят, это большая редкость, когда цветет лиственница, да еще в городе.

Почти десять лет прошло с тех пор. И хотя нет уже больше красивого дерева рядом с домом Даля, зато стоит в центре Москвы любовно восстановленная усадьба, в которой написан был знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка».

И кто знает, наверное, многие прекрасные мысли пришли в голову Владимиру Ивановичу, когда бродил он рядом с этой лиственницей, по саду, по нашим лугам и лесам. Может умереть дерево, даже порой целая роща, но бессмертна природа и культура, вечны символы их.

Огромна и прекрасна наша Родина. Даже из иллюминаторов космических кораблей не охватить ее взглядом, но есть в ней край, само упоминание о котором отзовется в душе благодарной радостью.

Это наша средняя полоса. Являясь, по сути, сердцевинной нашей государственности, истории и культуры, этот край стал классическим понятием России. Образ его слился с обобщенным понятием Родины, издревле помогал переживать тяжелые и грозные годы. Часто называют этот край теперь Нечерноземьем, хотя термин этот, конечно же, более прозаичен, ведь самые поэтические строки, самые проникновенные творения художников наших посвящены этому краю.

И сейчас тончайшие, упоительные чувства переживает человек, общаясь с русской природой. И дело тут не в физиологической потребности отдыха от шума современного города. Природа вызывает в нас властную потребность творить, а значит, создавать тот самый животворный пласт культуры, на котором возвращаются лучшие человеческие качества, в который уходят глубокие корни народного патриотизма. Русский пейзаж стал своеобразным поэтическим эталоном этой извечной любви нашего народа к Родине.

Всегда ли мы рачительно относимся к природе? Не торопимся ли, прикрываясь модным словом «рентабельность», порой совершить перестройки, после которых не только искажается извечная красота нашей родной земли, но и возникает вслед за этим неминуемая нравст-

венная опустошенность? Бывает, что и торопимся, но сейчас я хочу сказать об этом.

Мы живем в самой прекрасной на нашей планете стране — в стране развитого социализма. Поражают и восхищают ее самые современные научно-технические достижения. Но избавляют ли они человека от так называемых «вечных истин», от размышления о нравственности, от потребности творить красоту? Конечно, нет.

«Не надо объяснять, как важно, чтобы все окружающее нас несло на себе печать красоты, хорошего вкуса». Эти замечательные слова сказаны на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежневым. Мне кажется, что именно русская природа, облик многочисленных сел и деревень наших и есть тот самый живительный источник духовной красоты человека.

Хотелось бы в связи с этим затронуть одну проблему. Так уж сложилось, что хранильницей природы стала сейчас деревня, а многие, свойственные деревне культурные ценности перекочевали в города.

Справедливо ли это? Справедливо ли, что многочисленные музейные экспедиции, частные коллекционеры собирают в селах и маленьких городах произведения народного искусства, творения древнерусских художников и возят все это в крупные городские музеи или украшают свои жилища? В какой-то период это было необходимо, чтобы сохранить эти ценности. Но не пора ли подумать о том, чтобы возвратить взятое в долг у родной земли, воспитавшей в нас чувство прекрасного. Разумеется, речь идет не о том, чтобы вернуть, например, рублевские иконы Звенигородского чина в холодный дровяной монастырский сарай, в котором они были найдены И. Э. Грабарем. Речь идет о более серьезном возврате. Мне кажется, он необходим сейчас. Ведь вслед за культурными ценностями потянутся и люди, те новые поколения, у которых уже выросло понимание глубинности почвы, на которой зиждется вся наша современная жизнь.

Сложной может быть эта перестройка, нелегко найти ее формы.

И как пример я опять приведу деятельность М. П. Коржева. Много лет подряд он ездит в разные города России, чтобы помогать восстанавливать исторические парки. Михаил Петрович настоящий лесной доктор. Он осматривал и ошупывал своими руками тысячи деревьев, как ту старую лиственницу возле дома Даля. Зачем все это? Зачем, спрашивается, человеку на девятом десятке жизни по нескольку раз в месяц совершать утомительные поездки? Зачем тысячи людей хлопочут о восстановлении усадеб, парков,

памятников? А делают они это потому, что знают — красота нужна людям, она, как никогда, современна.

А сколько таких примеров, когда жители того или иного селения, отказавшись от развлечений, а то и отдыха, принимают украшать свой поселок. И не убирать мусор, а именно украшать!

Я часто езжу работать в Калининскую область и всякий раз радуюсь, когда приходится бывать мне в селах Завидово и Городня. На удивление красивые села. Каждый дом в них изукрашен руками заботливых хозяев. Много таких сел в нашей необъятной стране.

В поселке Выра Ленинградской области, например, существует сельский музей «Станционный смотритель». Один замечательный человек — Елочкин Александр загорелся в свое время создать такой музей у себя в поселке. Кто знает, что подтолкнуло его к этому? Чтение ли рассказов Пушкина, путешествия ли по стране, однако загорелся человек. Про таких говорят иногда — чудак. Однако благодаря такому «чужачеству» оживают в человеческой памяти прекрасные страницы нашей истории, связанные со святыми для нас именами, и получается, что вовсе не чудачество это, а благороднейшее и совершенно необходимое людям занятие. Почти всех своих односельчан вовлек Елочкин в дело создания музея — и создал! И дело это животворно именно поэтому — что все в нем участвовали, все приобщились к своей истории — через книги ли, через вещи ли, которых, кто знает, может быть, касались руки великого из поэтов. Да, память должна быть живой, ведь она не может быть измерена в числах тонн бронзы или камня, пошедшими на сооружение иного монумента.

Оговорюсь сразу, я вовсе не против скульптуры как формы увековечения памяти героев, а тем более не против скульптуры как вида художественного творчества. Но не слишком ли мы бываем увлечены «многопудьем бронзы»? Ведь подчас даже соревнование идет — кто тяжелее памятник поставит, будто количество материала увеличит наше уважение и преклонение перед памятью отдавших жизнь за Родину.

Опять обращусь к примеру. Недалеко от Москвы, на сорок третьем километре Ленинградского шоссе, стоит памятник павшим. Неплохой памятник. Сделан он в виде штыка, а по постаменту большие буквы: «Никто не забыт, ничто не забыто». Всякому, кто подъезжает к столице, это сооружение напомнит — здесь был один из рубежей героической обороны Москвы. Но возьму на себя смелость сказать — напоминание это скоротечно. Оно мелькает в сознании человека,

как пронесится сам памятник перед глазами пассажиров современных быстрых автобусов и автомобилей. А между тем рядом с дорогой за этим памятником стоит подлинный свидетель тех страшных событий и, мало того, свидетель живой, да еще раненый. На нем уже никогда не заживут следы от осколков снарядов, порезы от пулеметных очередей. Это необычный памятник — большой, в два обхвата дуб, а рядом с ним уже почти теперь невидимые следы траншеи тех времен. Вот бы где положить плиту с именами погибших! И вовсе не обязательно, чтобы эта плита была величиной с соборную площадь. Тонны камня ничего не прибавят к памяти.

Есть в Брянской области уникальный музей под открытым небом, тоже созданный местными энтузиастами. Называется он «Партизанская поляна». Многочисленные посетители этого оригинального музея могут воочию убедиться, как жили и воевали партизаны Великой Отечественной. Здесь все сохранили, как было тогда, — землянки, окопы, блиндажи. И ведь наверняка не так просто молодым людям покинуть село, в котором есть такие вот музеи. Они притягивают людей.

Живая память... Она безудержно влечет нас в Михайловское, Ясную Поляну, Спасское-Лутовиново, Тарханы — в сотни таких любовно сохраняемых мест, поистине ставших жемчужным ожерельем Нечерноземного края.

Живая память... Как много нужно думать, чувствовать, чтобы всегда она была живой, что называется, «работала» для нас, современников.

Вот издревле, например, на самых красивых местах — на возвышенностях, при слиянии рек — стояли общественные сооружения — крепости, кремли, монастыри, храмы. Думается, что и современные поселки нужно строить, следуя этим традициям. В них на самых красивых местах должна возвышаться архитектурная доминанта. Это может быть и памятник, и стела, и оригинальной архитектуры дом — важно, чтобы все это вписывалось в рельеф местности. И пусть доминанта несет при этом, если так можно выразиться, идеологическую нагрузку, организует пространство, в котором будет находиться клуб, библиотека, правление колхоза.

И пусть не покажется криминальной мысль об использовании при сооружении такой доминанты приемов культового зодчества — ведь это лучше, чем иметь, как это порой случается, на самом высоком и красивом месте силосную башню или дымящие трубы.

Над всеми этими проблемами стоит подумать, и подумать серьезно. По-види-

тому, настала пора ввести институт сельских архитекторов. Это должны быть молодые люди, влюбленные в свой поселок, село. Может быть, нужно открыть для выпуска таких архитекторов специальные отделения в архитектурных институтах, куда бы посылали учиться «всей деревней», чтобы после окончания вуза человек возвращался на работу в свое родное село. Ведь делают же так, и уже давно, на промышленных предприятиях.

Мы знаем немало примеров удачного сочетания старой и новой застройки. В древнем городке Бронницы Московской области, например, прекрасно организована центральная площадь. И старая колокольня с часами и древний храм весьма удачно вписались в ряд новых домов, в которых расположены органы местной власти, культурные и хозяйственные учреждения. Если бы еще часы ходили, то было бы совсем хорошо — и старые постройки ожили бы.

Можно назвать и очень удачный пример, когда совершенно новый силуэт не только не «развалил» композиции города, но, напротив, привнес дух современности, стал символом научно-технических достижений. Это — Калуга.

С противоположного берега Оки город особенно красив. По-видимому, стоя здесь, великий русский писатель Н. В. Го-

голь назвал Калугу «вторым Константинополем». Город напоминает отсюда огромный корабль с мачтами-колокольнями. И среди этих устремленных вверх сооружений отликает серебром большая ракета, что рядом с музеем К. Э. Циолковского. Не подавляет она город кичливым превосходством нового над старым, а органично, поэтично даже, вписывается в исторический облик красивого русского города.

Тысячи людей любят Калугу с этого места. Не может не волновать этот зеленый город, эта дивная река, эта ракета, природа, свет и воздух.

Такое, наверное, ощущение испытывают наши космонавты, когда, приземлившись, вдыхают земные запахи. И не случайно же, возвращаясь из космоса, первым делом сажают они на земле дерево. Зеленеет на Байконуре аллея Космонавтов. Уже много в ней деревьев, а самое первое было посажено Юрием Гагариным. В небольшом русском селеении он родился, вырос среди образов родной земли и посадил, наверное, в аллее такое дерево, которое росло рядом с домом его детства.

В каких бы заоблачных высотах ни побывал гражданин нашей Родины, он всегда возвратится к родным истокам, к своей земле, имя которой — Россия.

